

А. А. Кокошин

**О СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОМ
И МЕНТАЛЬНОМ ПОДХОДАХ
К МИРОПОЛИТИЧЕСКИМ
ИССЛЕДОВАНИЯМ**

ИНСТИТУТ ПРОБЛЕМ МЕЖДУНАРОДНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ФАКУЛЬТЕТ МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА

ИНСТИТУТ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

А. А. Кокошин

**О СИСТЕМНО-СТРУКТУРНОМ
И МЕНТАЛЬНОМ ПОДХОДАХ
К МИРОПОЛИТИЧЕСКИМ
ИССЛЕДОВАНИЯМ**

МОСКВА

URSS

УДК 327.001
ББК 66.4 87.6

Кокошин Андрей Афанасьевич

О системно-структурном и ментальном подходах к мирополитическим исследованиям: Краткий очерк. — М.: КомКнига, 2006. — 48 с.

ISBN 5-484-00486-1

В своем кратком очерке член-корреспондент РАН, декан факультета мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова и директор Института проблем международной безопасности РАН А. А. Кокошин рассматривает такие вопросы, как соотношение понятий «мировая политика» и «международные отношения», основные составляющие системного подхода к исследованию мировой политики и международных отношений, особенности ментального подхода к мирополитическим исследованиям, соотношение между индивидуальными и коллективными субъектами мировой политики и др.

Данный очерк предназначен прежде всего для преподавателей вузов, работающих в данной области, а также для аспирантов, магистрантов и студентов.

Научный редактор:

кандидат исторических наук *Н. А. Долгополова*

Редактор: *Н. М. Шестова*

Издательство «КомКнига». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, 9.

Подписано к печати 17.02.2006 г. Формат 60×90/16. Печ. л. 3. Зак. № 445.

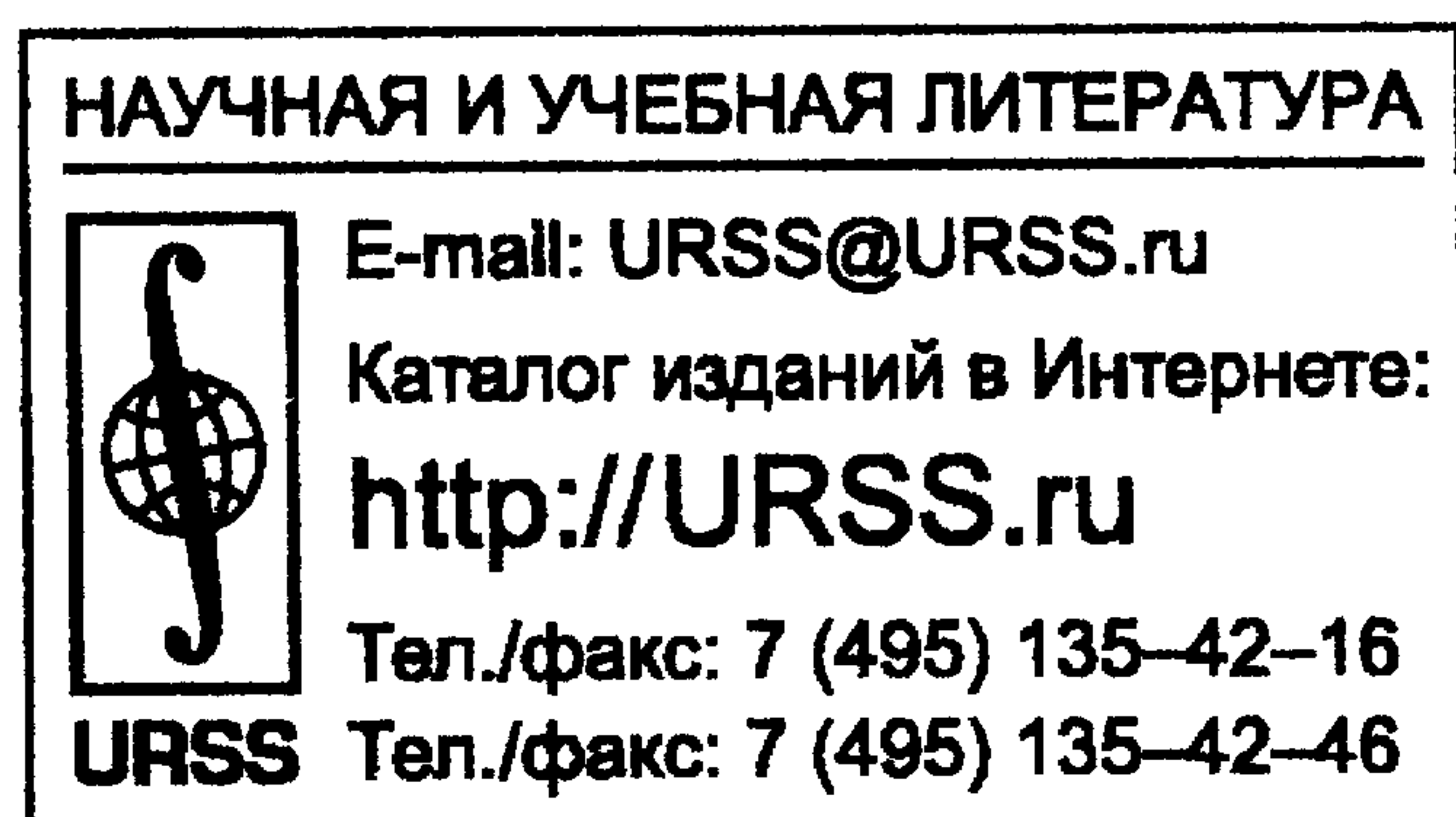
Отпечатано в ООО «ЛЕНАНД». 117312, г. Москва, пр-т 60-летия Октября, д. 11А, стр. 11.

ISBN 5-484-00486-1

© А. А. Кокошин, 2006

© Факультет мировой политики
МГУ им. М. В. Ломоносова, 2006

© Оформление: КомКнига, 2006

Оглавление

1. Мировая политика и международные отношения	4
2. Системный подход	8
3. Составляющие системного подхода	15
4. Старое понимание системы	19
5. Ментальный подход	22
6. Единичный и коллективный субъекты мировой политики	25
7. Рациональное и эмоциональное	28
8. Видение мировой политики, картина мира	30
9. Аналитики и государственные деятели	36
Примечания	40

1. Мировая политика и международные отношения

В данной работе речь пойдет прежде всего о двух основных подходах, к которым прибегают в своих теоретических и практических работах исследователи мировой политики и международных отношений. Это системный подход и так называемый ментальный подход. Если первый из двух названных подходов имеет более длительную историю, крепкие корни и традиции, то второй возник и стал популярен в конце прошлого века, то есть относительно недавно. Тем не менее, приверженцы «ментализма» заявляют о себе достаточно громко и претендуют на первенство в том, что касается достоинств и продуктивности их метода.

Однако прежде чем обратиться к этим подходам, надо остановиться на уяснении важного момента — различий между понятиями «мировая политика» и «международные отношения», что имеет непосредственное отношение к теме работы. В обыденном сознании эти термины часто употребляются как тождественные, относящиеся к одному синонимическому ряду. С научной точки зрения, речь идет все же о разных понятиях, между которыми есть определенные различия. В их наличии специалист всегда должен отдавать себе отчет, даже если конкретные стоящие перед ним задачи не требуют указания на эти различия.

Российский политолог М. М. Лебедева пишет, что при употреблении понятий «международные отношения» и «мировая политика» в первом случае акцент делается обычно на межгосударственных, прежде всего двусторонних проблемах (например, российско-американских отношениях); во втором — на глобальных, а также вопросах развития мировой политической системы в целом.

Однако, отмечает Лебедева, существует и другая точка зрения. Согласно ей, «мировая политика» как исследовательская область в широком смысле, которая признает наряду с государствами и других акторов, действующих на мировой арене, должна включать в себя и межгосударственные отношения [1]. Отметим, что такой взгляд является весьма распространенным среди исследователей, работающих в области мировой политики.

Мировая политика, по правильному замечанию П. А. Цыганкова, смещает акцент на ту все более заметную роль, которую играют в ней нетрадиционные акторы, не вытесняющие, однако, государство как главного участника международного общения. Имеется также заслуживающая внимание точка зрения, в соответствии с которой мировая политика выступает «в качестве среды, которая не просто влияет на международные отношения, а изменяет их» [2].

В международной исследовательской практике употребляют еще один термин — «глобальная политика». В таких случаях, как правило, стремятся подчеркнуть, что речь идет о глобальных проблемах и в этом смысле глобальная политика выступает как часть (пусть и значительная) мировой политики [3].

Как правильно отмечает российский ученый А. Д. Богатуров, в традиционных международных отношениях взаимодействие акторов выражается, прежде всего, во взаимодействии политик государств; в мировой политике взаимодействие распространяется «по всей толще внешней и внутренней политики субъектов» [4].

В процессах мировой политики все более важную роль играют различные компоненты гражданского общества и политические акторы, не входящие в государственные машины, — различные общественные организации, ассоциации, союзы, органы политических партий. Можно привести множество примеров того, как активные участники процессов мировой политики упомянутых категорий весьма громко заявили о себе в конце XX — начале XXI вв. Среди них — американские «Фридом хауз», Институт республиканской партии, Институт демократической партии, германские «Фонд Аденауэра», «Фонд Эберта» и др. Все большее число таких акторов носит транснациональный характер (как, например, «Гринпис») [5].

Конечно, это явление возникло в последние десятилетия, и учет его в практической внешнеполитической деятельности свойственен периоду последних нескольких десятилетий. Однако обращение к аналогичной формуле можно найти и в более отдаленной истории. Каким, например, видели мир лидеры советского государства, возникшего в результате Октябрьской революции в России? Прежде всего, как мир, в котором «Советы становятся мировой силой» [6]. Большевики апеллировали не только (и не столько) к главам государств и правительствам тех или иных стран, но и непосредственно к массам, прежде всего к их пролетариату. Они стимулировали

рабочий класс к определенным действиям, создающим, как ожидалось, такую среду мировой политики, в которой международные отношения приобретали бы новые черты, клонившие чашу весов в пользу Советской России.

Следует учитывать, что мировая политика как научная дисциплина возникла позднее, чем международные отношения, а в нашей стране позднее, чем на Западе. Она в большей мере, чем проблематика международных отношений, опирается на смежные дисциплины, междисциплинарные исследования. Очевидно, что мирополитическая проблематика требует рассмотрения большего числа факторов (переменных), нежели проблематика международных отношений. Это задача повышенной сложности как для ученых-теоретиков, так и для аналитиков-прикладников, не говоря уже о политиках и чиновниках-практиках.

Как правило, терпит поражение тот актер, который проявил неспособность аналитически охватить достаточно большое число параметров мирополитического процесса или отдельного явления, причем в ограниченный период времени (а это является неотъемлемой и почти неизбежной характеристикой практически всех процессов принятия решений).

Отсюда проистекает важность продуктивных методологических подходов к разработке многокомпонентных, сложных, сцепленных друг с другом, взаимообусловленных и взаимовлияющих проблем мировой политики.

2. Системный подход

Одним из ключевых понятий в современных исследованиях мировой политики и международных отношений на протяжении длительного периода времени является «система» [7]. «Системный подход», выработанный на основе этого понятия и взятый на вооружение учеными-политологами разных стран, позволяет им успешно решать большое количество исследовательских задач и постигать суть сложных процессов и явлений современной международной жизни. Отработка этого необходимого аналитического инструмента, оттачивание его — является актуальной методологической задачей современных мирополитических исследований. С учетом того, что среди тех, кто объявляет себя приверженцами системного подхода, далеко не все и не всегда на деле реализуют его в своих работах или реализуют его не в полной мере, насущность этой задачи особенно очевидна.

Само по себе понятие «система» имеет довольно давнюю историю, восходящую, по крайней мере, к XVIII в. Однако содержание термина в прежние века, как будет показано далее, отличается от того, что стали вкладывать в это понятие в период после окончания Второй мировой войны. Именно в послевоенный период понятие «система» активно разрабатывалось учеными самого разного профиля применительно к объектам самого разного

характера — технического, биологического и социального. В результате этих усилий возникла так называемая «общая теория систем». Особенно заметным было ее развитие примерно с середины 1950-х гг., когда она стала популярной среди представителей естественных и общественных наук, причем как в США, так и в Советском Союзе.

В 1954 г. в США было образовано Общество исследований в области общей теории систем; в 1956 г. начал издаваться ежегодник этого общества “General systems” [8]. Основателями общества и сборника были австрийский биолог Л. фон Берталанфи (позднее перебравшийся работать в университет провинции Альберта в Канаде), философ, математик, психолог и социолог А. Рапопорт, а также экономист К. Боулдинг. Среди немалого числа ученых, занимавшихся разработкой общей теории систем, можно назвать также директора американского Центра системных исследований М. Месаровича, кливлендского исследователя Р. Л. Акоффа английского специалиста в области кибернетики У. Росса Эшби.

В 1960–1970-е гг., главным образом в США, произошла активная «математизация» системных исследований. Многие исследователи проблем международных отношений и мировой политики, работая в тесном взаимодействии с наиболее авторитетным ученым в этой области А. Рапопортом и его единомышленниками из числа ученых-естественников, произвели на свет огромное число соответствующих работ [9]. Часто это были весьма трудозатратные (и дорогостоящие) исследования. Их значительная часть оплачивалась министерством обороны США.

Однако, как показала практика, высоко математизированные исследования по мирополитической проблематике в основном не оправдали надежд энтузиастов и в целом не привели к сколько-нибудь значительному приращению соответствующих политологических и социологических знаний.

Среди советских ученых середины прошлого века, активно работавших над проблемами системного подхода, можно выделить В. Н. Садовского и Э. Г. Юдина, Д. М. Гвишиани, П. Г. Кузнецова, Э. А. Позднякова, Н. Н. Моисеева и др. В последние несколько лет системный подход в отечественной политологии получил сильный импульс, прежде всего за счет появления фундаментального труда «Системная история международных отношений» [10].

Любой организм, в том числе социальный, по мысли одного из основоположников системного подхода — вышеупомянутого биолога Бераланфи, представляет собой сложное образование, в котором каждый из входящих в него элементов в своем поведении, развитии зависит в большой степени от отношений с другими подобными элементами, в сложных сочетаниях образующими систему. Исходной точкой системного подхода к исследованию любого объекта (который предположительно рассматривается как система) является признание того, что система — это не просто совокупность отдельных структурных элементов, единиц (частиц, индивидов), а совокупность отношений между ними [11], их взаимодействие и взаимозависимость [12]. Эти положения оказались в высшей степени применимы к изучению мирополитической проблематики. По правильному

определению отечественного теоретика международных отношений А. Д. Богатурова, «международные отношения для нас — это не просто сумма, совокупность каких-то отдельных компонентов мировых политических процессов, внешних политик отдельных государств и т. п., а сложный, но единый организм, свойства которого не исчерпываются суммой свойств, присущих каждой из его оставляющих в отдельности» [13].

При этом особое внимание исследователи уделяют тому, что добавление новой единицы вводит в систему не только отношения этой единицы ко всем другим единицам, но и изменяет отношения между всеми единицами [14]. Соответствующие изменения происходят и при изъятии той или иной единицы из системы — это также ведет к изменению отношений между всеми единицами системы.

В качестве достаточно убедительного примера правильности данного положения системного подхода применительно к системе мировой политике может служить ее состояние после Первой мировой войны, когда с политической карты мира исчезли такие «единицы», структурные элементы, как Австро-Венгерская империя и Османская империя. В частности, распад Австро-Венгерского государства, создание на его месте значительного числа небольших государств, формально суверенных, но в большинстве своем слабых и весьма зависимых от внешнего мира, оказался весьма важным фактором, обусловившим высокий уровень неустойчивости так называемой версальской системы¹⁾. Для нее, безусловно,

¹⁾ Задолго до образования «версальской системы» первый германский рейхсканцлер, дальновидный политик О. Бисмарк указывал

стала характерной повышенная степень конфликтности между основными акторами мирополитической системы, что в конечном счете привело к ее разрушению [15].

А. Рапопорт отмечал, что чем более взаимосвязаны отношения, тем более организована система, образованная этими отношениями. По его словам, «степень

на опасности «разбалансировки» современной ему системы европейской политики в результате возможной ликвидации одного из составляющих ее элементов. В своих мемуарах он писал относительно собственной оценки политических результатов войны Пруссии с Австро-Венгрией в 1866 г. следующее: «...я не мог себе представить приемлемого для нас (Пруссии, позже Германии) устройства земель, составлявших австрийскую монархию, если бы она оказалась разрушенной венгерским и славянскими восстаниями или надолго попала в зависимое положение». Бисмарк вопрошал: «Чем заполнить *то* пространство Европы, которое занимает до сих пор австрийская монархия от Тироля до Буковины?» По его оценке, «новые образования на этом пространстве могли бы быть только надолго революционными по своей природе» И далее: «...немецкая Австрия ни целиком, ни частично не нужна была нам, мы не достигли бы укрепления прусского государства приобретением таких провинций, как австрийская Силезия или куски Богемии; слияние немецкой Австрии с Пруссией не удалось бы, Вену нельзя было бы управлять из Берлина как [его] придатком». — *Бисмарк О. Мысли и воспоминания: Пер. с нем. / Под ред. проф. А. С. Ерусалимского. Т. II. М.: ОГИЗ, 1940. С. 42.*

Анализ этих мыслей, а также политической практики Бисмарка позволяет заключить, что за пределами проблемы объединения Германии (исключая, как говорилось выше, немецкую часть Австрии) он прежде всего руководствовался задачей поддержания общеевропейского баланса сил, общеевропейской системы, нежели территориальных приобретений для Пруссии. А замечание Бисмарка о том, что «Вену нельзя было бы управлять из Берлина как (его) придатком» указывает на то, что этот политик по сути дела понимал значение исключительно важного аспекта функционирования любой мирополитической системы, а именно: ограничения, имеющиеся в управляющих механизмах, прямо влияют на степень устойчивости системы.

организации, таким образом, становится основным понятием теоретико-системной точки зрения» [16].

Применительно к мировой политике степень организации системы определяется во многом развитостью международно-правовой базы и тем, как ее основные субъекты следуют этим нормам. Степень организации системы мировой политики определяется и наличием разветвленной сети международных организаций, признанных большей частью государств как главных акторов мирополитической системы. Наоборот — нарушение общепринятых международно-правовых норм, безусловно, снижает степень организации системы, ведет к ее расшатыванию, чреватому переходом к неуправляемым процессам.

Используя общую теорию систем в изучении социальной сферы, следует различать сознательно создаваемые системы и системы, возникающие самопроизвольно, спонтанно. Примером последних можно считать систему мировой политики, сложившуюся после Второй мировой войны в результате возникновения феномена двух сверхдержав. В рамках этой системы на определенном этапе были приняты своего рода правила поведения (как кодифицированные в определенных соглашениях в международно-правовой форме, так и некодифицированные), позволявшие поддерживать равновесие сил в политико-военной сфере. Это снижало опасность возникновения взаимоуничтожающей войны с массированным применением ядерного оружия. К числу сознательно создаваемых систем можно отнести те, которые скорее можно было бы классифицировать как подсистемы (или подсистемы, частные системы) в рамках общей системы мировой

политики. Речь может идти, например, о той или иной «системе коллективной безопасности» (попытки создания которой предпринимались неоднократно), о системах экономической интеграции, о региональных системах совместного использования водных ресурсов и т. п.

3. Составляющие системного подхода

Исследования по общей теории систем привели к распространенному пониманию того, что у любой материальной системы, включая социальные системы, в том числе и систему мировой политики, есть по крайней мере несколько инвариантных компонентов — структура, процессы и история [17].

Еще в конце 1950-х гг. американский ученый Ч. Макклеланд, одним из первых поставивший вопрос о применении «общей теории систем» к исследованию международных отношений, писал, что система международных отношений есть «сочетание компонентов, имеющих идентифицируемые характеристики, между которыми имеются определенные отношения» [18]. При этом им делался упор на собственно структуру международных отношений, подчеркивалось, что именно структура определяет поведение представленных в ней государств.

В большинстве случаев структура системы обладает иерархией, в которую выстраиваются структурные элементы. Применительно к структуре системы международных отношений речь идет об *иерархии государств*, совокупность которых и образует эту систему. В соответствии с системным подходом, иерархическая организация структуры международных отношений (мировой

политики) детерминирует поведение государств. Одновременно иерархия структуры отражается в сознании индивидумов и, что особенно важно, тех из них, которые определяют поведение государств на международной арене. Иерархия системы преломляется сквозь призму их сознания, что в свою очередь влияет на характер отношений внутри системы.

Когда мы говорим об изменениях в системе мировой политики, мы прежде всего ведем речь об изменениях в составе ее «главных действующих лиц» — государств, которые являются главными элементами структуры этой системы. Это в значительной мере определяет характер *процессов*, происходящих в системе. В свою очередь эти процессы ведут к постепенной трансформации структуры, которая в определенный момент в результате этих процессов может претерпеть изменения, в том числе радикального свойства. Возникает новое качество, могущее предопределить переход к новой системе мировой политики.

Под процессами в системе мировой политики прежде всего подразумевают взаимодействие политик, реализуемых во «внешнем мире» государствами и другими элементами структуры системы мировой политики. Отображение процессов в наиболее общедоступной форме осуществляется в виде хронологии событий, построение которой является одним из элементарных требований анализа процессов. Одной из основных характеристик, которыми оперируют при анализе процессов, является степень их интенсивности, скорость их протекания. Историки и политологи часто употребляют эту характеристику, в частности, применительно к ходу ди-

пломатических переговоров и к ходу подготовки того или иного государства к войне.

Среди важнейших составляющих процессов в системе мировой политики — *кризисные ситуации*, обостряющие все основные отношения между теми или иными акторами данной системы. Особенность кризисных ситуаций (кризисов) состоит в том, что они обнажают многие характеристики взаимодействия между акторами системы, скрытые в обычных, не кризисных условиях. Наиболее острые кризисные ситуации выливаются в войны, которые могут приводить к весьма значительным изменениям в мирополитической системе, вплоть до структурных. Самыми опасными являются кризисы, в результате которых может начаться война с применением оружия массового поражения, прежде всего ядерного. Необходимость проведения в условиях кризисной ситуации политического курса, который обезопасил бы от перехода в стадию войны, породила в современной политологии и политической практике такую важнейшую тему, как *кризисное управление* (crisis management)¹⁾.

История системы международных отношений (мировой политики) охватывает прежде всего то, что можно именовать ее полным жизненным циклом, укладывающимся, как правило, в несколько десятилетий — в отрезок времени, в рамках которого действуют одно-два поколения политиков, государственных деятелей. К примеру,

¹⁾ Эта тема весьма популярна в теории и практике корпоративного управления. Вообще можно говорить о пересечении многих тем, понятий, которые используются и в мирополитической политологии, и в менеджменте, в корпорациях, компаниях как субъектах прежде всего экономической деятельности.

в системе, существовавшей в Европе между франко-прусской войной 1870–1871 гг. и Первой мировой войной функционировали два поколения — поколение крупномасштабных политиков Бисмарка–Горчакова и пришедшее ему на смену поколение значительно менее ярких фигур.

4. Старое понимание системы

Системный подход к анализу мировой политики и международных отношений был разносторонне разработан в середине прошлого столетия, однако, как уже указывалось, само понятие «система» использовалось и ранее. В XVIII и в XIX вв. среди государственных руководителей и дипломатов было распространено употребление термина «система», когда речь шла фактически о том или ином политическом курсе, внешнеполитической программе, в том числе об участии данного государства в определенной комбинации коалиций, союзов государств, имеющих среднесрочный характер, в рамках существования одного и того же набора основных структурных единиц в мировой политике. Такого рода системы менялись, как правило, в зависимости от смены монарха или кабинета министров в том или ином государстве.

Глава ведомства иностранных дел Российской империи Н. П. Панин видел смысл планов нового внешнеполитического курса императрицы Екатерины II после завершения Семилетней войны в том, чтобы Россия могла «следовать своей собственной системе, согласной с ее истинными интересами, не находясь постоянно в зависимости от желаний иностранного двора». Как заявлял Панин, «мы систему зависимости нашей от них [дворов версальского и венского] переменим, и вместо того установим другую беспрепятственного нашего собою в делах действия» [19]. Эта система в значительной

мере была направлена на борьбу с Францией — страной, которая препятствовала осуществлению имевших значительную историческую глубину планов Екатерины II и Панина [20]. В свою очередь вся французская система в Восточной Европе строилась на взаимодействии со Швецией, Польшей и Турцией, которые в условиях второй половины XVIII в. должны были среди прочего обеспечивать задачу противодействия возрастанию удельного веса и влияния России.

Большую роль в развитии российского государства сыграла новая «восточная система» светлейшего князя Таврического Г. А. Потемкина, государственного и военного деятеля, ближайшего помощника Екатерины II. Важным элементом этой системы стал союз России с Австрией. В рамках действия этой системы Российская империя добилась крупных результатов на южном направлении, включая завоевание Крыма, его вхождение в состав России и освоение этих территорий. (Следует отметить, что, как установлено новейшими отечественными историческими исследованиями, созданию данной системы предшествовала глубокая аналитическая проработка соответствующих проектов Г. А. Потемкиным и его соратниками [21].)

В XIX в. понятие «система» использовалось для определения набора обязательств и обусловленных ими отношений между государствами (примеры — «венская система», сложившаяся в результате Венского конгресса 1814–1815 гг., «парижская система» как результат Парижского конгресса 1856 г.) [22].

Таким образом, можно отметить, что использование понятия «система» в вышеупомянутой трактовке от-

носятся, прежде всего, к сознательно конструируемым системам. В аналогичном духе это понятие продолжает использоваться и в современных условиях [23].

Применение термина «система» характерно и для марксистской традиции. Оно, к примеру, использовалось В. И. Лениным, который писал: «Люди живут в государстве, а каждое государство живет в системе государств, которые относительно друг друга находятся в системе известного политического равновесия» [24].

5. Ментальный подход

В современных исследованиях по международно-политической проблематике в начале 1990-х гг. произошел заметный сдвиг от структурализма, характерного для системного подхода и доминировавшего в предыдущие десятилетия, к изучению внешней политики отдельных государств, преимущественно с упором на *субъективную* сторону. Свидетельством этого стало возрастающее число исследований процесса принятия внешнеполитических решений и ведения переговоров, опиравшихся на анализ проблем восприятия и познания. В исследованиях международных отношений все более заметным становится то, что в наиболее обобщенном виде можно именовать «ментализмом».

Сторонники ментального подхода критиковали своих коллег, придерживающихся системно-структурных позиций, чуть ли не за то, что они рассматривают государства как некие «бездушные создания», отвечающие «автоматически» или «механистически» на внешние стимулы. Отвечая на эти обвинения, американский исследователь К. Гоулдманн отмечает — и вполне справедливо, — что такого рода обвинения — не более чем миф [25]. Структуралисты-системщики исходили из того, что лица, принимающие политические решения, пишет Гоулдманн, не являются машинами, а действуют рационально для достижения определенных целей на основе собственного понимания ситуации, а их понимание ситуации

согласуется с действительностью. Гоулдманн при этом ссылается на одного из классиков системно-структурного подхода, американского ученого К. Уолтса, согласно которому структура детерминирует мыслительные процессы и соответствующие политические действия. Такова логика не только системной макротеории международных отношений, заключает Гоулдманн, но и логика таких субдисциплин, как теория сдерживания, теория гонки вооружений (идущей от Л. Ричардсона) и других теорий эскалации конфликта и смягчения напряженности [26].

Конечно, приведенное Гоулдманном суждение К. Уолтса о детерминированности мыслительных процессов государственных деятелей, политиков структурой системы мировой политики можно считать справедливым лишь до тех пределов, пока мыслительные процессы основываются на адекватной логической базе, и при условии, что мыслительный процесс (призванный быть рациональным по определению) не деформируется под воздействием иррациональных фактов. Кроме того, современная политология убедительно показала, что мыслительные процессы политиков-практиков, связанные с внешнеполитическим поведением, часто в гораздо большей степени находятся под воздействием соображений внутриполитического, а не внешнеполитического порядка.

Сторонники ментального подхода полагают, что прежде всего необходимо изучать то, как действующие лица представляют себе положение дел в мировой политике и как они говорят об этом. В «чистом виде» «ментализм» предполагает, что внешняя по отношению к акторам среда существует лишь в их представлениях и в текстах; акторы при этом ограничены не структурными или ма-

териальными обстоятельствами, а лишь возможностями восприятия и текстуальных интерпретаций [27].

В связи с этим возникает вопрос: кто те субъекты, которые действуют на мирополитической арене либо от лица того или иного государства (как основной единицы мировой политики), либо от лица негосударственного актора.

6. Единичный и коллективный субъекты мировой политики

К коллективным субъектам мировой политики помимо государств (с соответствующими государственными машинами, государственными руководителями и госаппаратом как определенной совокупностью) можно отнести политические партии, различные политические коалиции (в том числе имеющие свои фракции в парламентах).

К индивидуальным субъектам внешней политики государства относятся прежде всего главы государств и правительств, их советники и помощники по вопросам внешней политики, национальной безопасности, обороны, министры иностранных дел, а также министры обороны, руководители органов политической разведки и ряд других фигур. При этом в обыденном сознании (как массовом, так и политической элиты) глава государства (или правительства) как индивидуальный субъект мирополитических процессов часто отождествляется с коллективным субъектом (государством).

При рассмотрении роли лидеров негосударственных акторов системы мировой политики необходимо прежде всего обратить внимание на высших менеджеров крупнейших транснациональных корпораций¹⁾.

¹⁾ Анализ картины мира этой категории весьма важных действующих лиц мирополитического процесса представляет повышенную сте-

Во внешней политике государства весьма важную роль могут играть такие фигуры, как министр финансов или министр экономики. Так, в Российской империи на рубеже XIX и XX столетий министры финансов С. Ю. Витте, а затем В. Н. Коковцев, играли по целому ряду направлений российской политики роль, соизмеримую с ролью министра иностранных дел.

Нередки случаи, когда едва ли не решающую роль в принятии решений по вопросам внешней политики играют деятели, формально не имеющие к ней отношения, занимающие должности, связанные казалось бы с выполнением сугубо внутриполитических функций. Новейшим примером этому может служить советник президента Дж. Буша-мл. по внутриполитическим вопросам К. Роув, сыгравший едва ли не решающую роль в принятии этим президентом решения о войне против Ирака в 2002–2003 гг.

Исследователь проблем мировой политики не может пройти и мимо таких факторов процесса принятия решений, как воздействие на государственных руководителей лиц, формально не принадлежащих к государственным или политическим структурам, — прежде всего их родных и близких (хотя эта информация бывает очень часто недоступной или неполной).

Бисмарк в своих мемуарах, например, отмечает немаловажную роль прусской королевы Августы — супруги Вильгельма I

пень сложности, ибо они не столь публичны (за редким исключением, примером которого является Дж. Сорос, явно обладающий определенными политическими амбициями, которые он стремится реализовать именно в рамках системы мировой политики в целом), нежели политики, дипломаты и даже высшие военные чины.

накануне франко-прусской войны 1870–1871 гг. «Сопротивляемость короля домогательствам со стороны супруги с ее по-женски оправдываемой боязливостью и недостававшим ей национальным чувством ослаблялась его рыцарским чувством к женщине и его монархическим отношением к королеве, в частности, к его королеве», – писал Бисмарк. Далее он продолжает: «Мне передавали, что королева Августа со слезами на глазах заклинала своего супруга перед отъездом из Эмса в Берлин предотвратить войну, помня о Йене и Тильзите. Я считаю этот рассказ правдоподобным, вплоть до слез» [28].

7. Рациональное и эмоциональное

Соотношение рационального и эмоционального играет большую роль не только в суждениях и действиях отдельного индивидуума, но и в коллективных суждениях и действиях. Признание этого обстоятельства является в целом сравнительно новым методологическим моментом для отечественной политологической традиции и исторической науки, имеющим немаловажное значение для прикладного политического анализа и непосредственно для политической практики. Особое значение имеет тщательный учет взаимодействия рационального и эмоционального в условиях конфликтных и кризисных ситуаций, особенно чреватых масштабным применением военной силы (тем более оружия массового поражения).

Современные историки убедительно показали, насколько важную роль, к примеру, играли эмоциональные факторы в поведении политических элит различных государств накануне Первой мировой войны. Рациональные соображения и настроения во многом были взаимоисключающими, при этом эмоции перевешивали разум. Как отмечают, в частности, российские авторы фундаментального труда «Мировые войны XX века», в Вене (30 июня 1914 г.) царила атмосфера паники, психоза и воинственности, охватившая руководство Австро-Венгерской империи. Венгерский премьер граф И. Тиса, трезво смотревший на складывающуюся ситуацию, пытался бороться с этими настроениями. Он предупреждал

императора Франца Иосифа о «ненормальной сверхчувствительной реакции» австро-венгерской политической элиты на убийство эрцгерцога Фердинанда в Сараево, возражал против войны, однако не преуспел в этом [29]. Сложный комплекс эмоций, охвативших политическую элиту Австро-Венгрии, перевесил всю логику рационального подхода Тисы к сложившейся ситуации. В результате этот, как его назвали бы сегодня, «трезвомыслящий политик» в определенный момент отказался от своего сопротивления тем, кто неудержимо вел дело к общеевропейской, мировой войне.

8. Видение мировой политики, картина мира

«Ментальный подход» к исследованию мировой политики базируется на многочисленных исследованиях по политической и социальной психологии, по психосемантике и другим дисциплинам такого рода.

Так, психосемантический подход к исследованию политического менталитета исходит из того, что и индивидуальный, и коллективный субъект (индивид, политическая партия, общество в целом) обладают определенной картиной мира, позволяющей осознавать мир, свое место в нем, осуществлять планирование своих действий, принимать решения по их реализации. Картина мира представляет собой сложное, многоуровневое образование; в нее, наряду с научным, понятийным знанием, входят и идеология, и религиозный опыт [30]. Картина мира при этом включает в себя также глубинные пласты мифологического и коллективного бессознательного в духе швейцарского психолога и философа К. Юнга [31]. В психосемантике картина мира трактуется не как зеркальное отражение действительности, а как одна из возможных политических, культурно-исторических моделей мира, которые создает индивидуальный или коллективный субъект [32].

Если говорить о картине мира, имеющейся у государственных и политических деятелей, у политической элиты, то в целом научный компонент в ней проявляет-

ся, как правило, в весьма упрощенном, адаптированном к потребности повседневной политической практики виде [33]. Политику, и особенно публичному, приходится выступать, прежде всего, таким образом, чтобы его суждения, оценки, установки корреспондировали с доминирующими характеристиками обыденного сознания основной части населения.

Приход в «большую политику» деятелей из науки, привносящих систематизированное видение мира, с использованием отработанного понятийного аппарата, — это все еще редкое явление для большинства государств. Исключение в этом отношении составляют, по-видимому, Соединенные Штаты Америки, где довольно распространенной является практика, когда на уровень членов кабинета и их заместителей в довольно значительном числе приходят ученые-политологи, экономисты, социологи, возвращающиеся после определенного периода работы в политических органах в университеты, в исследовательские центры.

Определенным видением мировой ситуации, картинами мира обладают и органы власти, соответствующие ведомства, проводящие внешнюю политику (или имеющие к ней отношение). Это продукт предыдущего опыта деятельности ведомства, традиций, особенностей его бюрократического строения и, в частности, методов и практики отбора сотрудников. Его можно назвать коллективным мирополитическим видением, хотя не обязательно все члены данного коллектива на личном уровне видят в мировой политике одно и то же. При этом картины мира, имеющиеся у того или иного ведомства, осуществляющего внешнеполитические функции, могут в определен-

ной мере расходиться с мирополитическим видением тех индивидуумов, назначаемых высших должностных лиц, которым доверена разработка и реализация внешней политики государства. Примером этого может служить деятельность помощника президента США по национальной безопасности Г. Киссинджера.

Придя в Белый дом в конце 1960-х гг., Киссинджер привнес туда такие взгляды на мир, которые существенно отличались от взглядов, доминировавших в тот период времени в сознании бюрократии госдепартамента, министерства обороны и Центрального разведывательного управления США. Именно эта картина мира, довольно сложная для практических политиков, во многом была воспринята «боссом» Киссинджера, президентом США Р. Никсоном. По любым современным стандартам Никсон оказался (о чем до сих пор мало известно) весьма подготовленным интеллектуально к исполнению своей роли главы исполнительной власти США в один из тяжелейших для американской истории периодов. Он, в частности, был хорошо знаком с разработками авторитетного британского историка и теоретика мировой политики Алистера Бакена, возглавлявшего длительное время Международный институт стратегических исследований в Лондоне. А логика мышления Бакена, основные параметры видения им системы мировой политики в духе *real politic* во многом совпадали с тем, что было характерно для гарвардского профессора Г. Киссинджера. Можно сказать, что Киссинджер представлял скорее европейскую — более изощренную, чем американская — традицию политологии международных отношений [34]. Следует отметить, что видение мира Киссинджера–Никсона,

во многом благодаря личным качествам обоих, приобрело большое практическое, операционное значение.

В современных условиях заслуживающей внимания является коллективное мирополитическое видение неоконсерваторов, широко представленных в первой и во второй администрациях президента Дж. Буша-мл.

С учетом растущей роли в мировой политике Китая и Индии особый интерес представляют картины мира, имеющиеся у политических элит этих двух азиатских гигантов. Это вопрос, к сожалению, является мало изученным. Он до последнего времени по сути дела находился на периферии западной и отечественной политологии и политической психологии.

Есть определенные закономерности в различиях коллективных картин мира, которые имеются у различных ведомств, имеющих отношение к внешней политике. Наиболее очевидными являются различия между министерствами иностранных дел и министерствами обороны (включая их гражданский и военный компоненты в тех случаях, когда во главе оборонного ведомства стоит гражданское лицо). В коллективной картине мира военного ведомства, как правило, более видное место занимает определение и оценка военных угроз национальной безопасности и, соответственно, больший вес придается военной силе в решении проблем национальной безопасности. При этом далеко не всегда (в современных условиях) профессиональные военные являются большими «ястребами», нежели их гражданские коллеги по военному ведомству.

Ярким примером этому служит расстановка сил в министерстве обороны США относительно войны в Ираке, когда

многие профессиональные военные были гораздо более сдержанны относительно развязывания этой войны, нежели гражданское руководство Пентагона, прежде всего в лице тандема Д. Рамсфелд – П. Вулфовиц. Углубленный политический анализ требует и учета принадлежности высшего руководства ведомств, ведающих вопросами внешней политики, к той или иной политической группировке с учетом специфики ее ментальности, идеологии. Так, немаловажные различия имеются в ментальности министра обороны Д. Рамсфелда и его исключительно влиятельного первого заместителя П. Вулфовица. То же самое можно сказать и о руководстве госдепартамента США – госсекретаре К. Пауэлле и его первом заместителе Р. Армитидже (2001–2005 гг.). П. Вулфовица, например, характеризовала очевидная принадлежность к «неоконсерваторам» – сильной и активной группе политиков, публицистов, ученых, общественных деятелей, захвативших стратегическую инициативу в политике США после актов терактера 11 сентября 2001 г. [35]. Д. Рамсфелд к данной группе не принадлежит; его считают традиционным республиканским «ястребом».

Многие отечественные и зарубежные исследователи мировой политики процессов склонны пренебрегать отмеченными выше различиями (между, например, Д. Рамсфелдом и К. Пауэллом); между тем учет этих различий играет огромную роль с точки зрения как практической политики, так и построения адекватных теорий мировой политики – как теорий среднего уровня, так и макротеорий.

Взгляды политической элиты на роль военной силы в мировой политике, на возможности военной стратегии реализовать определенные политические цели, на роль тех или иных вооружений играют огромную роль в их картине мира.

Как и в отношении других сфер человеческой деятельности, у политических элит, у государственных деятелей имеются определенные пределы понимания сложности современной военной машины, тех решений, которые имеют обратимый и необратимый характер.

Не в последнюю очередь в этой связи следует считать вообще контрпродуктивным построение чрезмерно сложной модели мирополитической системы, тех или иных ее сегментов [36]. Особенно это справедливо для тех моделей, которые разрабатываются в прикладных целях для аналитического обеспечения принятия решений по внешнеполитическим, политико-военным и политико-экономическим вопросам.

9. Аналитики и государственные деятели

Аналитик должен постоянно иметь в виду особый характер оперативности деятельности государственно-политического руководства (как публичных деятелей высшего уровня, так и менее публичных работников государственного аппарата) и понимать, что его работа и работа государственного деятеля имеет весьма существенные различия. Эти отличия очень верно подметил Киссинджер, на собственном опыте испытывавший их, работая в разные периоды своей жизни и в аналитической, и в государственной сфере. «Ученые-исследователи, — пишет он, — анализируют функционирование международных систем; государственные деятели их создают. И существует огромная разница между видением аналитика и государственного деятеля». Говоря о возможности выбора того и другого, Киссинджер пишет: «Аналитик в силах выбирать, какую именно проблему он желает исследовать, в то время как на государственного деятеля проблемы сваливаются сами собой». Весьма важным Киссинджер считает роль временного фактора в деятельности ученого и государственного деятеля: «Аналитик не ограничен временем и может затратить его, сколько нужно, чтобы прийти к четкому и ясному выводу, зато государственный деятель все время находится в цейтноте». Далее он говорит о риске для государственного деятеля и отсутствии такового у ученого: «Аналитик ни-

чем не рискует. Если его выводы окажутся неверными, он напишет новый трактат. Государственному деятелю дозволена лишь одна попытка; если он не угадает, ошибки становятся непоправимыми. Аналитик имеет в своем распоряжении все факты, и судят о нем в зависимости от его интеллектуальных способностей. Государственный деятель вынужден действовать, исходя из оценок, которые не может доказать в тот момент, когда их выносит; история будет судить о нем на основании того, насколько мудро ему удалось осуществить необходимые изменения и, что самое главное, до какой степени он сумел сохранить мир. Вот почему изучение того, как государственные деятели решали проблему установления мирового порядка — что сработало, а что нет, и почему, — не конечная цель, а скорее начало осознания современной дипломатии» [37].

Очевидно, что в данном случае Киссинджер противопоставляет государственному деятелю только определенный тип ученого, а именно — работающего сравнительно независимо от государственных органов, принимающих решения, в условиях, которые называются академическими. Между тем имеется значительное число исследователей, работающих в различных исследовательских центрах, весьма тесно связанных с государственными органами власти — как принадлежащих этим органам, так и не принадлежащих, но активно и постоянно выполняющих различные заказы последних. Такие исследователи (и исследовательские коллективы) отнюдь не свободны в выборе проблем исследований, они также ограничены во времени, которое им отпущено на исследование и анализ.

* * *

Одной из основных практических проблем использования «ментального» подхода в политологических исследованиях является адекватность информационной базе таких исследований. Если историк имеет возможность опираться на документы и мемуары государственных и политических деятелей, то политолог во многом лишен такой возможности. Основная база политолога — это тексты публичных выступлений, заявлений представителей политической элиты, требующие обработки по определенным схемам, в том числе с применением методов «контент-анализа» и соответствующих методологических приемов, свойственных разработкам в области искусственного интеллекта. На практике следование таким схемам в подавляющем большинстве случаев в политологическом анализе не соблюдается.

Наиболее продуктивным было бы сочетание двух упомянутых подходов в исследовании мировой политики (системно-структурного и «ментального»), чего на практике придерживаются в своих исследованиях многие отечественные и зарубежные историки и политологи. Однако использование в полном масштабе этих двух подходов при построении более или менее жестких, высоко формализованных моделей представляется затруднительным в силу многократного возрастания сложности построения таких моделей. В силу высокой степени сложности таких моделей затраты на их создание могут намного превосходить получаемый при этом эффект от их применения к изучаемому реальному объекту.

Однако представляется весьма важным использование ряда основных методологических принципов, присущих этим двум подходам, их понятийного аппарата, поскольку это способствует более высокой степени организации, понимания процессов и явлений, происходящих в сфере мировой политики.

Примечания

1. *Лебедева М. М.* Мировая политика. М.: Аспект Пресс, 2004. С. 58.
2. Там же. С. 59.
3. Там же.
4. См.: *Богатуров А. Д.* Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе. М.: ИПМБ РАН; Факультет мировой политики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2005.
5. См.: *Кокошин А. А.* Реальный суверенитет в современной мирополитической системе. М.: КомКнига, 2005.
6. В 1920 г. В. И. Ленин в своем интервью корреспонденту американского информационного агентства "Universal Service" сказал: «...раз ...огромное большинство трудящихся поняло, что Советы дают им в руки всю власть, освобождая их от ига помещиков и капиталистов, то как можно помешать победе советского строя во всем мире? Я такого средства, по крайней мере, не знаю». — *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 40. М.: Политиздат, 1963. С. 146, 147.
7. Следует отметить, что более четкое определение объекта общественно-научных исследований и практической деятельности (в данном случае системы мировой политики) можно одновременно рассматривать как важный фактор развития данного объекта. Социальные процессы и явления являются порождением определенной деятельности, основанной на определенных интеллектуальных конструктах. Построение того или иного варианта системы или подсистемы мировой политики возможно только по тем конструктам, которые представлены в индивидуальном и общественном сознании. — См.: *Петренко В. Ф., Митина О. В.*

- Психосемантический анализ динамики общественного сознания. На материале политического менталитета. М.: Изд-во Московского университета, 1997. С. 104).
8. General systems. Yearbook of the Society for General Systems Research / Ed. by L. von Bertalanffy, A. Rapoport. Ann Arbor, Michigan, 1970.
 9. См.: *Кокошин А. А.* Прогнозирование и политика. М.: ИМО, 1975. С. 65–75.
 10. Системная история международных отношений: В 4 т. События и документы. 1918–2003 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Московский рабочий; Научно-образовательный форум по международным отношениям, 2000–2004.
 11. *Рapoпорт А.* Математические аспекты абстрактного анализа систем // Исследования по общей теории систем / Общ. ред. В. Н. Садовского, Э. Г. Юдина; Пер. с англ. М.: Прогресс, 1969. С. 88.
 12. В коллективном труде ученых Сибирского отделения РАН говорится о том, что «ключевое понятие для системы — это взаимодействие». В силу этого «именно взаимосвязанность и взаимозависимость современного мира, обусловленная транспортными и торговыми связями, миграционными и информационными потоками, объединяют всех в целое и дают неоспоримые возможности рассматривать сегодня мир как глобальную систему». — Новая парадигма развития России в XXI веке. Комплексные исследования проблем устойчивого развития идеи и результаты / Под ред. В. А. Коптюга, В. М. Матросова, В. К. Левашова. М.: Academia, 2000. С. 94.
 13. *Богатуров А. Д.* Системный подход и эволюция международных отношений в XX веке // Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.: НОФМО, 2002. С. 112.
 14. *Рapoпорт А.* Указ. соч. С. 88.

15. Можно признать удачной характеристику ряда важных параметров «версальской системы», приведенную в коллективном труде российских ученых «Мировые войны XX века»: «Малые европейские страны очутились в зоне жесточайшего риска между противоборствующими ведущими державами, а национальные меньшинства — в перманентном состоянии политической и экономической неустроенности, которая вызывала опасные трения и конфликты между ними и государствами-соседями». — Мировые войны XX века. Кн. 1. Первая мировая война: Исторический очерк / Научн. рук. В. Л. Мальков; Отв. ред. Г. Д. Шкундин. М.: Наука, 2002. С. 618–619.
16. *Rapoport A.* Указ. соч. С. 88.
17. А. Рапопорт писал о трех элементах — структуре, истории и функции. Определение *функции* той или иной системы международных отношений (мировой политики) встречает весьма значительные затруднения по сравнению с ее определением у целого ряда других материальных систем. — *Rapoport A. Modern Systems Theory — An Outlook for Coping with Change // General Systems. Yearbook of the Society for General Systems Research. Vol. XV, 1970 / Ed. by L. von Bertalanffy, Rapoport A. Mental Health Research Institute, Ann Arbor, Michigan, 1970. P. 22.*
18. *General Systems Yearbook. 1958. Vol. 3. P. 235–236.*
19. См.: История дипломатии / Под ред. В. П. Потемкина; Авт. колл. С. В. Бахрушин, А. В. Ефимов, Е. А. Косминский, А. Л. Нарочницкий, В. С. Сергеев, С. Д. Сказкин, Е. В. Тарле, В. М. Хвостов. Т. 1. М.: ОГИЗ, 1941. С. 286.
20. Панин предпринимал также усилия с целью создать «северную систему». Проект заключался в том, чтобы «на севере создать знатный и сильный союз держав» против Франции и ее союзницы Австрии с участием Англии. В состав «северного аккорда» должны были войти Россия, Пруссия и Дания «в качестве держав активных» и Польша и Шве-

ция — «в качестве держав пассивных»; от последних требовалось только сохранение мира. Идея «северной системы» не получила развития, так как Фридрих II не хотел брать на себя брать новых обязательств, клонивших к усилению международного могущества России. Там же. С. 287.

21. См.: *Елисеева О. Н.* Геополитические проекты Г.А. Потемкина. М.: Институт российской истории РАН, 2000. С. 8–15, 72–73.
22. См.: Системная история международных отношений: В 4 т. События и документы. 1918–2000 / Отв. ред. А. Д. Богатуров. Т. 1. События. 1918–1945. М.: Московский рабочий, 2000. С. 11.
23. См.: *Graig G. A., George A. L.* Force and Statecraft. Diplomatic Problems of Our Time. 2 ed. N.Y.; Oxford: Oxford University Press, 1990. P. 49–53
24. *Ленин В. И.* Полное собрание сочинений. Т. 42. М.: Политиздат, 1964. С. 59.
25. *Гоулдманн К.* Международные отношения: общие проблемы // Политическая наука: новые направления: Пер. с англ. / Под ред. А. Гудина, Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. С. 298–399.
26. Там же.
27. Там же. С. 400.
28. *Бисмарк О.* Мысли и воспоминания. Т. 2. М.: ОГИЗ-СОЦЭГИЗ, 1940. С. 83.
29. Мировые войны XX века. С. 106–107.
30. См.: *Петренко В. Ф., Митина О. В.* Указ. соч. С. 104–105.
31. К. Юнг различает две функции — мышление и аффективность (чувство-ощущение). При этом чувство-ощущение он классифицирует как пассивную функцию. — *Юнг К.* Психологические типы: Пер. с нем. / Под общ. ред. В. В. Зеленского. СПб.: Азбука, 2001. С. 178–179.

Говоря о *бессознательном*, Юнг пишет, что это «предельное физическое понятие, покрывающее все те психические содержания или процессы, которые не сознаются, то есть которые не отнесены воспринимаемым образом к нашему *эго*» (Там же). Очень важным представляется замечание Юнга о том, что «сознательные содержания, утрачивая свою энергетическую ценность, могут становиться бессознательными». Как добавляет Юнг, «это нормальный процесс забывания» (Там же). Это суждение можно полностью отнести к проблемам исторической памяти — как индивидуальной, так и коллективной, в том числе применительно к истории мировой политики и международных отношений.

32. *Петренко В. Ф., Митина О. В.* Указ. соч. С. 105.

33. Г. Киссинджер приводит заслуживающее внимания описание картины мира, которую имел его босс, президент Р. Никсон: «Никсон не занимался систематическим изучением истории, как это делали Черчилль и де Голль. Он просто запомнил кое-какие сведения о прошлом страны и собирал рудиментарные факты, относящиеся к тем или иным обстоятельствам, причем мог обходиться и без этого. И все же он обладал невероятными способностями схватить самую суть политического динамизма той или иной страны, привлекая его внимание. А его понимание геополитических реалий было поистине замечательным. Подход Никсона к внутриполитическим вопросам был временами омрачен амбициями и личной неуверенностью. Но когда дело доходило до внешней политики, его могучий аналитический ум и исключительная геополитическая интуиция были всегда жестко сфокусированы на обеспечение американских интересов».

Далее Киссинджер отмечает: «Никсон не признавал вильсонианских прописных истин относительно доброты человека от природы и фундаментальной гарантии любой

из наций, поддерживаемой при помощи коллективной безопасности. Вильсону страны представлялись как идущие в направлении мира и демократии; миссией Америки представлялась помощь на этом неизбежном пути. Для Никсона все человечество разделялось на друзей и антагонистов; он выделял арены сотрудничества и районы конфликтующих интересов. В представлении Никсона спокойствие и гармония не соответствовали естественному порядку вещей, но были лишь временными оазисами в преисполненном гибели мире, где стабильность можно сберечь лишь отчаянными усилиями».

Киссинджер также пишет: «Никсон старался плавать в бурном море житейском под флагом национальных интересов Америки, и его не смущало, что эта идея представлялась отвратительной множеству идеалистов-традиционалистов. Если великие державы, включая Соединенные Штаты, будут добиваться обеспечения собственных интересов рационально и предсказуемо, как полагал Никсон в духе философии Просвещения XVIII в., тогда равновесие сил возникнет само, как следствие столкновения соперничающих интересов. Подобно Теодору Рузвельту, но в противоположность другим американским президентам XX в., Никсон полагался на то, что равновесие сил обеспечит стабильность, и считал, что без сильной Америки глобальное равновесие невозможно».

По словам Киссинджера, «обе эти точки зрения были в те времена в высшей степени не модны». И далее: «Никсон в интервью журналу „Тайм“ 3 января 1972 года утверждал следующее: „Мы должны помнить, что единственным условием продолжительных исторических периодов мира было равновесие сил. Ведь именно тогда, когда одна из наций становится значительно сильнее своего потенциального соперника, возникает опасность войны. Поэтому я полагаюсь на мир, где Соединенные Штаты об-

- ладают могуществом. Я думаю, что такой мир будет и лучше, и безопаснее, когда у нас будут здоровые и сильные Соединенные Штаты, Европа, Советский Союз, Китай, Япония, взаимно уравнивающие друг друга, не действующие друг против друга, создающие баланс сил». — *Киссинджер Г. Дипломатия* / Пер. с англ. В. В. Лобова; С предисл. Г. А. Арбатова. М.: Ладомир, 1997. С. 640.
34. См.: *Кокошин А. А., Рогов С. М.* Серые кардиналы Белого Дома. М.: Изд-во АПН, 1986.
35. См.: *Долгополова Н. А.* Правые республиканцы в Вашингтоне. Влияние на внешнюю и военную политику администрации Буша-младшего. М.: Медиа-Пресс, 2003.
36. Средневековый философ Уильям Оккам (1290(?)–1349) произвел на свет утверждение о том, что «тщетно делать с бóльшим то, что можно сделать с меньшим»; это утверждение служит основой другого, более известного высказывания о том, что «сущности не следует умножать сверх необходимости». Этот принцип получил известность в такой формулировке, как «бритва Оккама» (хотя, как отмечает Бертран Рассел, этот текст и отсутствует в произведениях Оккама). В последующие века мыслители, обращавшиеся к вопросам научного метода, стали трактовать его как принцип экономии мышления (Б. Рассел считает, что изначально Оккам под обсуждаемыми сущностями имел в виду «формы субстанции и тому подобное, с которыми была связана традиционная метафизика»). — *Рассел Б.* Мудрость Запада: Историческое исследование западной философии в связи с общественными и политическими обстоятельствами: Пер. с англ. / Ред. англ. изд. П. Фулкес; Общ. ред. и предисл. проф. В. А. Малинина. М.: Республика, 1999. С. 249–251.
37. *Киссинджер Г.* Указ. соч. С. 19.